

Ольга
Журавнёва

69

рассказ

Улица Луговая и её обитатели

Ж

НА УЛИЦЕ Луговой весна. Май. Цветёт черёмуха, соловьи поют даже днём. И даже сквозь дождь. Сегодня дождя нет. Тоня пьёт чай и смотрит в окно. Тонина мама, приехавшая вчера из города в гости к дочке, тоже садится за стол, наливает себе чаю из электрического чайника. Чайник, строго следуя инструкции, вскипает ровно за три минуты. И вдруг над головой Тони раздаётся знакомое гудение. Гудение то нарастает, то затихает.

- Мама, слышишь?
- Ничего не слышу! Отстань!
- Да вот же! Гудит!
- Ничего не гудит! Отстань!
- Это шмель!

- Выгоняй! Выгоняй!
- Чего выгоняй? Шмель – к деньгам!
- Хорошо бы... Денег-то нет у нас совсем.
- Мы как в детстве делали? Надо поймать, посадить в спичечный коробок и положить коробок в шкаф, – отчеканила Тоня.
- Деньги будут после этого? – мама недоверчиво смотрит на Тоню.
- Должны быть! – Тоня искренне хлопает ресницами.
- Тогда лови! Лови, говорю! Я за коробком пошла.
- Когда мама вернулась с прочным, ещё советским спичечным коробком, Тоня уже сбила шмеля мухобойкой на

пол. Шмель был жив и слабо жужжал, шевеля лапками и крыльями.

Тоня бесстрашно подняла шмеля с пола и запихала в коробок, задвинула крышку. В коробке жужжание слышалось совсем по-другому. Более гулко. Мама забрала коробок и положила его в шкаф под стопку полотенец.

– Как плохо живём! – горестно вздыхает мама. – Живут же люди, как люди. И деньги у них, и мужья богатые. Хоть бы твой жених нам денег подкинул.

– Артём? Он вчера звонил. Разговаривали ровно минуту.

– Что сказал?

– Сказал, что работает, как вол.

– А деньги, где от этой работы? Или бы твой бывший муж Гошка нас благодетельствовал.

– С чего бы?

– Как с чего? Я Гошку люблю. Он парень хороший. Мы с ним не ссорились никогда.

– Зато мы ссорились. Может, на всю жизнь поссорились.

– Ну и зря. Живут же люди, как люди, – продолжает причитать мама.

– Кто это – люди, как люди? – Тоня давно устала от маминых попреков.

– Боровские, например. И не выпучивай на меня глаза! – прикрикивает на Тоню мама и стучит ладонью по столу. – Ни варенья у нас, ни мёда! Как беженцы! Смотри, смотри, кто это идёт там?

Мама всегда садится за стол так, чтобы видеть, что происходит на улице. По Луговой люди ходят редко, потому что это самая крайняя улица села. Дальше луга, а потом река. Разве что почтальонка Зоя пройдёт раз в день, и всё.

Тоня вглядывается в приближающуюся фигуру:

– Боровский, – сообщает она маме.

– А в руке у него что?

– Банка.

– Большая?

– Литровая, кажется.

Боровский нёс банку на весу, держа за горлышко, слегка на отлёте.

– С мёдом? – спрашивает мама.

– Откуда же я знаю? Не разглядеть.

– Чего ж ты так плохо видишь-то? Делай операцию, чтобы видеть. Вот, я сделала и всё вижу лучше тебя! Точно! Банка с мёдом! Мёд нам несёт! – радуется мама.

Тоня внимательно всматривается в окно, но что несёт в банке маленький лысый и хромой Боровский, разглядеть не может. Надо сказать, что при своей хромоте ходит он довольно быстро. И всегда без кепки. Блестит его лысина на солнце, будто маслом её намазали. И не раз Тоня замечала, как женщины разных возрастов замирают при виде этого хромоножки. Вот и мама замерла. И совершенно понятно, что не только банка её интересует.

Мама выходит на крыльцо в ожидании Боровского. И потом долго не появляется, полчаса, наверное. Возвращается весёлая, прижимая к груди банку.

– Что думаешь, так он отдал? Денег просит. Сто рублей.

– Надо дать, раз просит.

– Мёд-то прошлогодний. – Мама ставит банку на стол, ловко открывает крышку, запускает палец в мёд.

– Ну и что? – говорит Тоня. – Мёд – это мёд. Он не портится. Надо ему отнести денег.

– Ты и отнеси. Мёду в вазочку положи и можешь идти, относить деньги.

Тоня накладывает мёд в синюю вазочку на толстой короткой ножке. У них три таких вазочки. В них бабушка, мамина мама, любила ставить варенье на стол. Ещё она любила пить чай из самовара. Пусть из электрического, но всё же. В кладовке у них стоят три старых электрических самовара. Сейчас они не актуальны, так как электрочайник вскипает быстро, а тех самоваров когда дождёшься? Хотя из самовара чай вкуснее! Это доказано Менделеевым, кажется. Варенья у них нынче нет. Съели всё за зиму. Мама с особым удовольствием начинает пить чай с мёдом. При этом она заваривает в чашке два пакетика. Мама любит очень крепкий

чай. А чашка у неё маленькая и изящная – из настоящего китайского фарфора. На боках чашки красуется синий дракон. Ложечка в чашке серебряная, ещё прабабушкина.

Тоня берёт кошелек с деньгами и идёт к соседям.

Эмма Петровна Боровская сидит на крыльце и воет в голос. Боровский хромает по двору. Он кидаёт какие-то вещи в тележку своего самодельного трактора. У Боровского золотые руки. Трактор он сделал из мотоблока. Ещё он сам сделал газонокосилку и даже картофелекопалку. Тоня хотела было подойти к Эмме Петровне, успокоить её, узнать, в чём дело? Но решила сначала отдать деньги за мёд Боровскому. Она подходит к хозяину и протягивает ему сто рублей. Он не берёт, мотает головой и указывает на воющую жену – ей! Тоня идёт к Эмме Петровне, протягивает деньги, но та продолжает выть, мотает головой и указывает на мужа – ему! Тоня садится рядом:

– Эмма Петровна, что случилось?

– Уходит от меня! – воет Эмма Петровна.

– Кто уходит?

– Никуша от меня уходит!

– Вот этот маленький, лысый, колченогий человечек уходит от вас? – Тоня чувствует, как её глаза становятся квадратными.

– Уходит! Не я ли ему троих дочерей родила?

– Вы, вы! – подтверждает Тоня.

– Не я ли ему дом в полном порядке содержу? Не я ли ему огород сажаю-убираю?

– Вы, конечно!

– Уходит.

– Куда же?

– В Травкино уезжает.

– Чего там?

– Любовь там моя первая живёт, – неожиданно рывкает у Тони над ухом Боровский. – И нечего здесь реветь! Всё! Нажился с тобой. С твоими дочерьми малохольными.

– Дочери-то чем вам не угодили? –

удивляется Тоня. – Они давно отдельно живут. Обеспеченные вроде. Вас не дёргают.

– А ты ещё не знаешь? – опять рывкает Боровский и при этом грузит в тележку трактора узлы с вещами.

– Нет. Не знаю ничего.

– Средняя у старшей мужа увела.

– Никуша, зачем ты про такое говоришь? – воет Эмма Петровна.

– Шила в мешке не утаишь! Всё равно народ узнает! – кричит Боровский и яростно бросает в тележку очередной узел. – Народ эту новость и принёс.

– Господи... Как же так? – это известие Тоню просто огорошивает.

У Боровских три дочери. Тоня про них знает немного: у старшей муж москвич, у средней из Ростова-на-Дону. У младшей мужа пока нет. Ещё знает, что у обеих старших есть сыновья. В честь деда их называли Никушами. Никонами. Три дочери в семье – обычно показатель того, что хотели родители сына, да так и не получилось. Зато есть сейчас два внука. И оба Никоны. Жить бы да радоваться!

– Свой муж ей плох показался! В чужих-то руках всегда хрен слаще. Вот и увела. У родной сестры! Куда мать смотрела? – рычит Боровский.

А сам всё котомки свои нагружает в кузов.

– А чего я? Они в городе живут! Что я могла сделать? Да и наркоман он оказался, у средней-то! – это Эмма Петровна сообщает Тоне полушёпотом.

От такого известия Тоня и вовсе офонарела. А Эмма продолжает мужа честить:

– Я с тобой-то ничего сделать не могу. Ты вон к другой уходишь на кой-то ляд... Не я ли тебе ноги мыла, а потом эту воду пила и косами ноги вытирала? Не я ли тебе баню топила, веники тебе берёзовые и дубовые вязала? Может, ты тоже наркоман? – кричит Эмма в бессилии.

– Ещё чего захотела? Наркоман! А младшая дочь совсем уж сбрендил! – рычит Боровский.

Его лысина яростно блестит на майском солнце. Того гляди, задымится и на ней можно будет печь блины.

– Она-то чего? – спрашивает Тоня, не зная, чем её ещё ошеломят.

– Ложиться под каждого встречного-поперечного! – Боровский вне себя.

– Да кто тебе сказал? – воет Эмма Петровна.

– Люди говорят! А люди зря не скажут! – кричит Боровский. – В те выходные с одним приехала. В эти – с другим! Машина одна круче другой! Мужики бездельники, каких свет не видывал! Только спать да жрать! Спать да жрать!

Эмма Петровна сбегает с крыльца, падает на землю, хватается мужа за широкие штанины и воет, воет:

– Не тебе ли камни из почек всю зиму выводила? Не я ли для тебе изюм в трёх водах мыла? В доме чистота-порядок!

Боровский наклоняется, отдирает руки Эммы Петровны от своих штанов, садится в кабину трактора и уезжает. Узлы и чемоданы слегка подпрыгивают в кузове.

И тишина на дворе. И запах выхлопных газов от трактора. И соловей залиvisto поёт на соседней иве. Эмма Петровна встаёт, отряхивает юбку руками и говорит спокойно, по-деловому:

– Пойду повешусь.

– Да вы что? Окститесь, Эмма Петровна, – говорит ей ласково Тоня. – Пойдёмте к нам чай пить.

– С его мёдом? Ни за что! Он и улы уже в Травкино увёз. Тайком увёз. Воровски. Прошлой ночью. Пойдём, я тебе варенья дам. Клубничного.

«Слава богу, – думает Тоня. – Раз хочет варенья дать, значит, не повесится. Отвлеклась на другое». Эмма Петровна выносит две пол-литровые баночки варенья. К баночкам заботливо приклеены бумажки с надписями: «Клубничное», «Малиновое».

– На здоровье, – говорит Эмма Петровна и утирает слёзы концом платка. У неё всегда белый платок на голове.

– Не пойдёте к нам?

– Нет, дел дома полно.

«Раз дел полно, значит, не повесится», – думает Тоня. А то взяли люди манеру в селе, как что – сразу вешаются. И ещё топятся. Но топятся только летом. Потому что весной или осенью холодная вода в реке Вое. А зимой она покрыта льдом.

Тоня уходит к себе. Мама радостно забирает из Тониных рук банки с вареньем:

– Вот ведь! Ничего у нас не было, а сейчас и мёд, и варенье двух сортов! Ты чего так долго у них была? – мама подозрительно смотрит на Тоню.

– Боровский на моих глазах от Эммы Петровны ушёл.

– Как ушёл? Куда? К кому? – мама выпучивает глаза от удивления.

– И не пучь на меня глаза, – строго говорит Тоня.

И хлопает ладошкой по столу.

– Отстань! Рассказывай давай!

– В Травкино уехал на своём самоходном тракторе.

– Да ты что? И к кому?

– Сказал, к своей первой любви.

– Надо же, как всё повернулось! – при этом мама ест варенье ложкой прямо из банки. – Эмма ведь третья жена у него.

– Третья? Не знала. У этого хромого, лысого придурка три жены?

– Он и ко мне приставал. А ты что думала? Такой вот хромой ходок. Тихий трахальщик. Скучно без него будет, если честно. И не такой уж он придурок. Всё-таки учитель пения.

– К тебе приставал?!

– Вот именно! Я к ним за чем-то пришла, он меня в углу зажал и давай... ну, приставать. Я Эмме сказала тогда, что приставал. Пьяный, наверное, был.

– Час от часу не легче!

Мама опять пьёт чай, на этот раз с вареньем. Время от времени смотрит в окно.

– Кто это там идёт? – спрашивает она Тоню.

– Ты же у нас Зоркий Глаз, ты и смотри, кто идёт.

– Не дерзи! – одёргивает мама. – Зойка-почтальонка.

– Она самая, – подтверждает Тоня, так как Зойка подошла уже совсем близко к их дому.

– Выйди, вдруг нам письмо какое?

– Мама, кто сейчас письма пишет?

– Может, жировка за свет пришла? Выйди!

Тоня выходит на крыльцо, а Зойка-почтальонка как раз заходит к ним во двор. Она ставит свою почтовую сумку на стол, под навесом у крыльца, и начинает выкладывать на стол пол-литровые банки с вареньем. На боку каждой баночки бумажка с надписью: «Малиновое», «Облепиховое», «Черничное». Зойка совсем не меняется. Длинные волосы замотаны в култышку. Она высокая и стройная, какой и была раньше, лет двадцать назад.

– Привет!

– Привет, привет! – улыбается Зойка.

– Чего это?

– Эмма Петровна надавала мне варенья всякого. Куда я с ним? У меня своего полно. Я вам и принесла. Угощайтесь, – улыбается Зойка. – От неё муж ушёл. Никон Сергеевич. Он же у нас в школе пение преподавал и рисование. Очень хорошо пел и на баяне играл.

Зойка замирает секунды на три, потом мотает головой, отгоняя воспоминания.

– Оспади! – удивляется Тоня. – И ты туда же!

– Куда туда? – смеётся Зойка. – А банки Эмма Петровна велела вернуть.

– Хорошо, верну. Раз велела вернуть, значит, не повесится. Хотела повеситься она.

– Ты откуда знаешь?

– Я у них была, когда Боровский котомки свои в трактор грузил.

Ну, вот! Сейчас всё село узнает, что Боровский ушёл от Эммы, а она хотела повеситься. Почтальонка на то и почтальонка, чтобы новости разносить. Тоня

Зойку знает давно. С детства. В тот год сселяли деревни, и всех перевозили на центральную усадьбу, то есть в село. Кто-то свои дома перевозил вместе со всем скарбом. А кто-то в новые колхозные дома заселялся, как семья Зойки, а старый дом распиливали на дрова.

С Зойкой Тоня познакомились на ключе, где они с сестрой в четыре руки полоскали бельё. Ксюша полощет, Тоня выжимает, так как у неё руки сильнее. Ксюше было десять лет, Тоне двенадцать. Зойка сидит на скамейке. Рядом с ней два ведра и коромысло. Пришла за водой. Зойка смотрит на сестёр презрительно и говорит:

– Кто так полощет?

– Мы так полощем, – ответила Тоня, потому как была не робкого десятка и за словом в карман не лезла.

– Плохо полощите, – говорит Зойка. – Одно мыло.

Берёт из таза платье, бросает его в колоду и начинает полоскать заново.

– Смотри, сколько мыла не прополоскала, – укоризненно говорит она Тоне. Бросает всё бельё из таза в колоду под струю и начинает переполаскивать. Тоня видит, что у неё движения более резкие и сильные.

– Как тебя зовут? – спросила.

– Зоя.

– Меня Тоня. Это сестра моя Ксюша. А дед наш – директор школы.

– Ну и что? Директор школы, подумай! – говорит Зойка. – А бельё вас не научил полоскать.

– Он нас вообще ничему не учит, мы сами по себе, – гордо заявила Тоня. – А вообще-то, мы всё делаем в четыре руки – и на пианино играем, и полы так же моем: я насыро, а Ксюша насухо.

Зойка только ухмылялась, слушая эти речи. Но про игру на пианино заинтересовалась:

– Пианино? У вас есть пианино?

– Есть, – высокомерно подтвердила Тоня.

– А кто вас учит?

– Нас папа возит в райцентр в му-

зыкальную школу. Учительницу нашу зовут Роза Львовна.

– А я думала, Сирень Крокодиловна! – хихикнула Зойка.

Так и познакомились. Зойка потом приходила к ним, но дружбы не получилось. Потому что она постоянно хотела Тоню чему-то научить и пристыдить, что она не так делает хозяйственные дела. А она, Зоя, всё делала так. После школы Тоня уехала в Москву учиться, а Зойка пошла в почтальоны. С тех пор прошло двадцать лет.

– Зой, жировка за свет есть?

– Нет, двадцатого будет.

– А сегодня какое?

– Сегодня тринадцатое.

– Несчастливое для Эммы число.

– Тринадцатое всегда несчастливое.

– Ещё чего не скажи, – говорит Тоня. – Мой папочка родился тринадцатого июля. И был вполне счастлив.

– А умер какого?

– Умер второго февраля. Так что для нас второе число несчастливое.

В середине июня стояли замечательные погоды. В огороде было всё посажено, кроме помидор и огурцов. Тоня знала наверняка, что посадками этих овощей надо заниматься, когда отцветёт рябина. А рябина как раз цвела вовсю. Поэтому в огородных работах был небольшой перерыв. По утрам они с мамой беззаботно пили чай. В открытое окно струился утренний озон. В одно раннее июньское утро мама вдруг встала со своего стула и стала внимательно всматриваться вдаль.

– Тоньчик! Посмотри! Или мне это кажется?

Тоня обернулась к окну. Во двор

к соседям Боровским въезжал самодельный трактор, нагруженный узлами и чемоданами.

– Не кажется, мама. Всё так и есть. Боровский, похоже, вернулся к Эмме Петровне.

– Пойди узнай, что и как? – приказала мама.

– Нет уж. Сама и пойдёшь.

Мама повязала на шею новый жёлтый шарфик из Парижа и направилась к соседям. Дома появилась через час с банкой прошлогоднего мёда.

– Вернулся Никон Сергеевич.

– Почему вдруг?

– Сказал, что у его первой любви в Москве внук родился. Она туда уезжает нянчиться.

– Так и оставался бы на хозяйстве там.

– Она совсем уезжает. Дом продала какому-то известному художнику.

– Зря. Вдруг захочет вернуться, а некуда... Как Эмма Петровна его встретила?

– Нормально встретила. Он ведь не неожиданно вернулся. Сначала на переговоры приезжал, потом ульи ночью привёз. Сегодня сам приехал. Дочки тоже дали согласие. А Зойка-почтальонка сказала: «Был бы плохой, не взяла бы обратно».

На всё на это Тоня только покачала головой. «Неисповедимы пути Господни». Потом пошла к Боровским, отдать деньги за мёд. Во дворе никого не было. Тоня зашла в сени. К притолоке была привязана верёвка с петлёй. На полочке лежал кусок хозяйственного мыла. Тоня прислушалась. Тишина. Тогда она положила сто рублей на полочку под кусок мыла и ушла домой.

